

На следующий день, когда Цзи Яо снова связался с Цзи Яньсином, он первым делом рассказал о старшекурснике. Цзи Яньсин в ответ лишь невнятно хмыкнул. Они вкратце обсудили новости и приготовления, как вдруг связь снова оборвалась.

Генералы Чжан и Пан, прекрасно понимая, что время не ждёт, трудились без сна и отдыха и закончили отбор солдат на день раньше срока. А это означало, что сегодня настал черёд Цзи Яо.

Когда дошло до дела, лишние мысли улетучились сами собой. Цзи Яо только вздохнул: праздничный ужин в честь Праздника середины осени, о котором они так славно договаривались, пошёл насмарку. Говорят, быть подле государя — всё равно что спать рядом с тигром, но он, понаблюдав за императором Ци эти несколько дней и невольно примерив роль его сына, перестал так уж сильно бояться. В конце концов, перед ним был обычный отец, который отчаянно скучал по своему ребёнку, просто не мог сказать об этом прямо.

— Генерал Чжан, всё готово?

Последние два дня Цзи Яо только и делал, что рассылал людей в Павильон Восьми Направлений распускать слухи. Мол, после императорского выговора седьмой принц заперся дома, прилежно штудировает каноны и ушёл в учёбу с головой. И как только у него язык повернулся сморозить такую чушь! Впрочем, верил кто-то в это или нет — дело десятое. Главное, чтобы все знали: принц носа на улицу не показывает.

На самом же деле Цзи Яо не бездельничал — он по памяти набросал почти весь строевой устав, который ему когда-то вдалбливал армейский инструктор. А по совету Хун Цю даже устроил демонстрацию на Дэбао и нескольких доверенных слугах. Бедняг он загонял до полусмерти.

— Я приказал воинам передислоцироваться под покровом ночи, небольшими группами, — доложил генерал. — Сейчас они уже собрались в Долине Небесного Короля.

— Отлично.

Цзи Яо отправился туда налегке, взяв с собой только Дэбао, Хун Цю и нескольких слуг.

Долина Небесного Короля

— Времени мало, задачи сложные, так что начнём с самых азов, — объявил Цзи Яо перед строем.

«Самые азы» включали команды: «вольно», «смирно», равнение направо и налево, расчёт по

порядку, повороты на месте, строевой и походный шаг, бег и простейшие перестроения. Цзи Яо умудрился вписать туда даже отдание воинской чести и команду «вольно». По его глубокому убеждению, именно в приветствии и чеканном шаге крылась вся суть военного смотра.

Но когда Цзи Яо прокричал эти команды в самодельный жестяной рупор, солдаты лишь недоумённо переглянулись.

— Ничего страшного, сейчас мы всё покажем, — успокоил их Цзи Яо. — Потом я отберу сотню человек, которые станут помощниками инструкторов. Те, кто уверен в своих силах, делайте шаг вперёд.

Слуги по команде зашагали, чётко выполняя каждое движение. И пусть выправкой они уступали профессиональным воинам, зрелище всё равно вышло впечатляющим. Даже выдавшие виды генералы удивлённо приподняли брови, а у солдат и вовсе загорелись глаза — строй выглядел невероятно подтянутым и слаженным.

— Выглядит просто, но на деле придётся попотеть, — заметил Цзи Яо. — Есть добровольцы?

— Я готов! — выкрикнул кто-то из первых рядов.

Вскоре несмелые одиночные голоса слились в один мощный гул сотен глоток.

Для пущей эффективности Цзи Яо решил разделить обязанности:

— Дэбао, я возьму на себя первую сотню. Ты и Хун Цю забирайте ещё по сотне. Как только ваши люди освоят движение, они тут же начнут обучать остальных, разбившись на группы. Остальным пока не спешить, внимательно смотреть и запоминать.

— Слушаемся, — в один голос ответили помощники.

Среди солдат пополз недовольный ропот. Ладно Хун Цю, он всё-таки благородный муж, но чтобы их тренировал какой-то евнух? Для суровых воинов это казалось несмываемым позором.

Генералы уже открыли было рты, чтобы прикрикнуть на недовольных, но Цзи Яо опередил их:

— Древние мудрецы говорили: «Кто знающ и прилежен в учении, не стыдится вопрошать и тех, кто ниже его». Многие из вас и грамоты-то не знают, а уж в строевой подготовке тем более ничего не смыслят. Дэбао же перенял от меня эти знания, и сейчас в этом вопросе он стоит выше большинства из вас. Для меня что Хун Цю, что Дэбао — люди дела. Мне не важна знатность или ничтожность вашего происхождения. Кто овладел искусством — тот и учитель. И всякий, кто отличится на службе, получит шанс подняться и продвинуться, невзирая на происхождение.

Дэбао, давно смилившийся с тем, что евнухи в этом мире считаются грязью под ногами, затаил дыхание. Его господин только что во всеуслышание заявил, что он равен остальным и может быть наставником для воинов.

В рядах солдат повисло потрясённое молчание. Наконец кто-то робко спросил:

— Ваше Высочество... неужели это значит, что у каждого из нас есть шанс продвинуться по службе?

— Как поступит Его Величество и что решит двор — не мне судить, — спокойно ответил Цзи Яо. — Но это войско сейчас полностью под моим началом. И я обещаю: каждый, кто проявит себя, получит заслуженную награду.

Он очень вовремя отгородился от государственных интриг и воли государя, сосредоточившись исключительно на текущей задаче. И солдат приободрил, и лишил недоброжелателей возможности обвинить себя в коварных планах на трон.

— Седьмой принц прав! — раздался громкий выкрик из толпы, и лагерь взорвался одобрительными криками.

Этот ход они с Хун Цю просчитали заранее. Они знали, что идея сделать евнуха инструктором вызовет бунт. Однако Хун Цю рассудил тонко: государство Ци возникло недавно, титулы в основном наследовались. У генерала Чжана было три дочери и один сын — Чжан Тяньцы, который уже неплохо проявил себя в Лагере Тигриного Рыка и явно не нуждался в протекции. У генерала Пана детей и вовсе не было. А значит, пламенная речь Цзи Яо никак не ущемляла интересы военачальников. Зато простые солдаты, у которых не было ни чинов, ни знатных покровителей, восприняли слова принца как единственный шанс выбиться в люди. Их сердца запали истинной преданностью.

«После этого дня армия пойдёт за Седьмым принцем», — подумал Хун Цю.

Он был человеком долга и глубоко ценил то, что Цзи Яо разглядел его талант и вытащил из безвестности. Если в будущем принц облечётся в императорский пурпур, с таким характером и умом он непременно станет мудрым правителем. И пока Цзи Яо присматривался к Хун Цю, тот делал свои выводы о принце.

— Раз вопросов больше нет — приступим к тренировкам! — скомандовал Цзи Яо.

Дэбао оказался прирождённым наставником. Стоило кому-то оступиться или не так поставить ногу, как он тут же звонко прикладывался указкой по плечу или голени, выправляя осанку. Солдаты лишь глухо сопели от злости, но терпели — приказ принца и генералов был для них законом.

Благодаря общему рвению дело спорилось невероятно быстро. За исключением короткого перерыва на обед, воины тренировались до седьмого пота и к исходу дня уже сносно справлялись со строевым шагом.

— Ну и денёк... Ноги едва держат, — выдохнул Цзи Яо, устало опускаясь на поваленное бревно.

Зато у Хун Цю и Дэбао будто открылось второе дыхание — они продолжали без устали расхаживать между рядами и поправлять шеренги.

— Ваше Высочество, — подошёл Хун Цю, уважительно склонив голову. — Позвольте заметить... придуманное вами воинское приветствие выглядит на редкость величественно.

«Ещё бы! — мысленно усмехнулся Цзи Яо. — В этом жесте заложен опыт лучших армий моего мира!»

Такой салют идеально подчёркивал гордость и выправку защитников родины. Это смотрелось куда внушительнее и благороднее, чем вечные падения ниц и унижительные поклоны. Настоящий воин должен обладать чувством собственного достоинства, а не валяться в ногах при каждой встрече с командиром.

— Это ваша общая заслуга, — улыбнулся Цзи Яо. — Азы вы освоили, теперь главное — отточить синхронность и держать равнение. На сегодня закончим, сумерки сгущаются. Разбивайте лагерь, готовьте ужин и отдыхайте.

Сегодня было пятнадцатое число восьмого лунного месяца — Праздник середины осени. Однако небо затянуло тяжёлыми тучами, скрывшими полную луну, и лагерь погрузился в глухую темень, разгоняемую лишь весёлыми отблесками костров.

— Благодарим за милость, Ваше Высочество, — разнеслось над долиной.

Цзи Яо ушёл в свой шатёр и строго-настрого наказал Дэбао никого не впускать. Ему нужно было дожидаться заветного «звонка» от Цзи Яньсина.

Но сколько он ни бормотал под нос заклинания над кубком, тот упорно молчал. Неужели сегодня волшебство дало сбой?

Вместо далёкого голоса полог шатра внезапно приподнялся, и на пороге возник гость, которого Цзи Яо никак не ожидал увидеть.

— Отец?.. Приветствую Вас, Ваше Величество. Как Вы здесь оказались?

Император Ци был одет в скромное дорожное платье, явно желая остаться неузнанным,

поэтому стража снаружи не посмела поднять тревогу.

— Мой сын трудился весь день не покладая рук, — мягко произнёс император, проходя внутрь.
— Неужели в Праздник середины осени отец не имеет права разделить с ним скромную трапезу?

Слуги, сопровождавшие его, безмолвными тенями скользнули в шатёр, неся в руках тяжёлые плетёные короба, от которых исходил умопомрачительный аромат свежей еды.

У Цзи Яо сладко сжалось сердце. Как же приятно знать, что о тебе кто-то заботится. В этот миг он с новой силой заскучал по своим настоящим родителям.

Китай, наши дни

В Китае повсюду гремели грандиозные празднества — в этом году День образования КНР совпал с Праздником середины осени. На площадях ревели оркестры, а улицы заполнили ликующие толпы людей.

— Син-гэ, глянь, какие наши военные красавцы! — восторженно воскликнул Фу Ян, указывая на экран телевизора.

Цзи Яньсин перевёл взгляд на экран и замер, заворожённый зрелищем. Безупречно сидящая форма, идеально равные шеренги, чеканный, сотрясающий землю шаг...

— Что они делают? — тихо спросил он.

— Как что? Это же военный смотр!

Так вот что имел в виду Цзи Яо под «военным смотром»...

Цзи Яньсин не мог оторвать глаз от экрана больше часа, бережно запечатлевая в памяти каждую деталь.

Фу Ян, у которого шило в одном месте не давало долго сидеть на месте, вскоре заерзал:

— Ну, парад и парад, каждые несколько лет одно и то же. Это вам в диковинку. Кстати, Син-гэ, а в вашем мире армия какая?

Ему действительно было безумно любопытно — ведь живых рыцарей в доспехах он видел

только в исторических дорамах.

Цзи Яньсин нехотя, но честно признался:

— Тяжёлая железная конница... Но по выправке и мощи им далеко до Китая.

Впрочем, кто знает — быть может, с подачи Цзи Яо их войско обретёт совершенно иной вид.

После обеда трансляция завершилась, оцепление вокруг центральных площадей сняли, и пришло время ехать в агентство Цзи Яо. Опасаясь, что гость из прошлого заблудится в мегаполисе, Фу Ян лично вызвал ему такси. Самого парня на вторую половину дня вызвала домой строгая матушка, поэтому перед уходом он буквально взмолился:

— Умоляю, только держите язык за зубами! Агентство наняло для Цзяо-цзяо преподавателя по актёрскому мастерству, у того характер — сущий кошмар. Пожалуйста, не поссорьтесь с ним.

Сам Фу Ян контракт ни с кем не подписывал и занимался творчеством исключительно ради забавы — в случае неудачи он всегда мог вернуться и унаследовать семейный бизнес. Но у Цзи Яо ситуация была иной: парень действительно горел сценой, и он это прекрасно знал.

— Хорошо, — кивнул Цзи Яньсин. — И пришли мне адрес дома Цзи Яо.

— Адрес? Зачем?

— Сегодня пятнадцатое число. Праздник.

Фу Ян хотел было возразить, что визит к родителям друга — верный способ выдать себя с потрохами, но один лишь холодный взгляд императора заставил его проглотить все слова и безропотно отправить геометку. Уходя, парень сложил ладони в умоляющем жесте, безмолвно прося пощады.

«Буду просто молчать, как и обещал Цзи Яо», — решил про себя Цзи Яньсин.

По дороге он засмотрелся на огромную праздничную цветочную корзину в центре площади. Она выглядела невероятно величественно. Глядя на это буйство красок, он невольно снова вспомнил о Цзи Яо.

Добравшись до здания агентства, Цзи Яньсин поднялся на восьмой этаж, как и велела в сообщении Хун-цзе.

В холле беседовали мужчина и женщина. Дама была одета по последней моде, а её собеседник,

солидный господин лет пятидесяти, держался весьма строго.

— Цзяо-цзяо, иди скорее сюда! — помахала ему женщина. Это точно была Хун-цзе. — Позвольте представить нашего подопечного. Мальчишка он немного своенравный, так что заранее прошу прощения, если доставит хлопот.

— Приветствую вас, учитель, — вежливо произнес Цзи Яньсин и отвесил безупречный, глубокий поклон.

Мужчина удивленно моргнул. Хун-цзе полчаса расписывала ему несносный характер подопечного, но стоящий перед ним юноша меньше всего походил на капризного сорванца.

Хун-цзе и сама обомлела от такой перемены, но быстро сориентировалась и бросила на подопечного одобрительный взгляд.

— Учитель Фэн, оставляю вас наедине с Цзи Яо. Не буду мешать, — прощепетала она и поспешила откланяться.

Цзи Яньсин вежливо кивнул:

— Счастливого пути.

Проходя мимо, Хун-цзе подозрительно прищурилась и шепнула на ухо:

— Только без глупостей, умоляю. Веди себя прилично.

Учитель Фэн согласился на эти занятия неохотно, исключительно ради старой дружбы, но первое впечатление от юноши превзошло все ожидания. Раз так, можно заняться делом.

Он раскрыл сценарий дорамы:

— Насколько я знаю, твоя следующая роль — в историческом проекте. Давай для начала поговорим об эпохе.

— Слушаю вас, — кивнул Цзи Яньсин.

— Действие разворачивается во времена правления Великого родоначальника Ци. Тебе нужно прочувствовать дух того времени, понять обычаи, характер исторических личностей.

Это попадание было поистине снайперским. Оставим в стороне то, что Цзи Яньсин заучил в Национальном музее — если говорить об истории государства Ци, то во всем этом мире не

нашлось бы человека, знающего её лучше него.

Поначалу учитель Фэн размеренно читал лекцию, но постепенно беседа свернула в совершенно неожиданное русло.

— В государстве Ци ценилась простота, — неторопливо заговорил Цзи Яньсин. — На пирах и во время охоты никто строго не следовал этикету, особенно в ранний период династии. Да, сословия наследовались, и уважение к старшим почиталось свято, но никакой жестокой тирании с кандалами за кривой взгляд, как написано в вашем сценарии, не было и в помине.

— К чему ты клонишь? — заинтересовался учитель.

— К тому, что бесконечные падения ниц и поклоны, которыми изобилует текст драмы, в эпоху Ци попросту не существовали. Это чистой воды вымысел позднейших авторов.

Учитель Фэн слушал юношу разинув рот. За несколько часов он узнал об ушедшей эпохе больше, чем из десятка научных трудов. Казалось, этот парень досконально изучил не только государство Ци, но и уклады куда более древних времён.

Когда Хун-цзе решила заглянуть в класс, она застала невероятную картину: подопечный с величественной грацией демонстрировал преподавателю подлинный придворный этикет государства Ци. Именно так — демонстрировал, словно настоящий наследный принц.

В ту же секунду учитель Фэн лихорадочно схватил телефон и бросился к окну.

Хун-цзе испуганно подскочила к актеру:

— Что происходит? Ты что, нагрубил ему?

— Вовсе нет, — спокойно ответил Цзи Яньсин.

Учитель Фэн вернулся, пряча телефон в карман.

— Хун-цзе, вы точно ничего не перепутали, когда рассказывали мне про этого мальчика? — взволнованно произнёс он. — По-моему, Сяо Цзи сам может читать лекции профессорам. — Он повернулся к Цзи Яньсину: — Поразительные познания! Я только что связался с главным сценаристом. Тот подтвердил, что консультировался с ведущим историком, и твои замечания бьют точно в цель. Он уже взялся за переделку текста, но очень просил организовать встречу с тобой через пару дней. Хочет обсудить детали.

Цзи Яньсин мысленно вздохнул. Снова он притянул к себе лишнее внимание, хотя стоило попридержаться язык и остаться в тени.

— Хорошо, — сдержанно ответил он.

— Ну, раз такое дело, мне пора. Хун-цзе, учить его актёрскому мастерству — только портить. Сяо Цзи, до связи в WeChat, спишемся!

Когда за учителем закрылась дверь, Хун-цзе так и осталась стоять с приоткрытым ртом. Ничего не понимая, она поспешила к администратору на ресепшн. Та, захлёбываясь от восторга, пересказала, как молодой актёр в пух и прах разнёс исторические ляпы маститого преподавателя.

— Ай да Цзяо-цзяо, ай да молодец! — Хун-цзе так и просияла, вернувшись в кабинет. — Сразу видно, подготовился к роли.

— Я пойду, — ровным тоном произнес Цзи Яньсин.

Смеркалось. Цзи Яо должен был вот-вот выйти на связь.

— Иди, конечно. Если что — сразу звони, — напутствовала его Хун-цзе.

Этот вечер Праздника середины осени выдался на редкость тихим, но небо над городом заволокли плотные тучи, скрыв полную луну. Цзи Яньсин шёл вдоль безлюдной аллеи под мягким светом фонарей, тщетно вслушиваясь в тишину в надежде уловить знакомый голос. Тот молчал.

Решив не терять времени, он направился к дому Цзи Яо.

Выйдя из такси, Цзи Яньсин огляделся. Двор жилого комплекса утопал в ярких огнях. У подъездов колыхались государственные флаги, на окнах квартир алели праздничные китайские фонарики — казалось, наступил Новый год. Впрочем, великий праздник великой страны действительно мало чем уступал новогодним торжествам.

Он остановился перед лифтом. За прошедшее время он вполне освоился с местными технологиями и бытовыми мелочами.

Пока кабина опускалась, зазвонил телефон — это снова был Фу Ян, решивший напоследок дать пару наставлений.

— Син-гэ, с Праздником середины осени тебя! — бодро поздравил он.

В прежние времена в этот день Фу Ян обычно оставался в генеральском поместье, но неизменно присылал верному другу кувшин свежего османтусового вина.

— С праздником, — искренне отозвался Цзи Яньсин.

Услышать слова поздравления из уст близкого человека сквозь бездну в тысячу лет было настоящим утешением. Он тепло улыбнулся. Родители, сумевшие воспитать такого открытого и жизнерадостного парня, как Цзи Яо, наверняка были чудесными людьми.

Подойдя к нужной квартире, он поднял руку и постучал в дверь.

В то же мгновение перед глазами всё поплыло. Голова закружилась, глаза невольно закрылись...

А когда он снова открыл глаза —

«... Перед моей собственной дверью?!»

Цзи Яо ошарашенно уставился на открывшуюся дверь. На пороге стояла его мама. Самая настоящая, живая мама!

Цзи Яо изо всех сил ущипнул себя за руку. Больно! Значит, это не сон!

— Который час, а ты только явился? — заворчала мать. — На сообщения в телефоне почему не отвечаешь?

Голос мамы... живой и родной!

Цзи Яо с криком бросился к ней на шею, едва сдерживая хлынувшие из глаз слёзы:

— Мама, мамочка моя любимая! Твой Цзи Ханьсань вернулся из изгнания!

Из глубины квартиры тут же донёсся грозный отцовский бас:

— Опять дурачишься, паршивец? С отцом новое имя согласовать не забыл? Живо мыть руки и за стол!

Цзи Яо восторженно указал рукой в окно, но тут же схлопотал от старшей сестры звонкий подзатыльник.

— Мэн-мэн-цзы, глянь на небо! Видишь, какая сегодня луна круглая? — сквозь смех выкрикнул

он.

— Совсем с ума сошёл, мелкий? Какая луна, там тучи непроглядные, — фыркнула сестра.

А для него она была. И светила ярче прежнего. Ведь в родных краях и луна всегда ярче!

<http://bllate.org/book/20677/2132507>